

04.02.95.
Встреча с 4
общественностью.

3

Сейчас выступит Егор Тимурович Гайдар, а после этого наша встреча будет развиваться по самому естественному и абсолютно незаорганизованному сценарию. Если будут вопросы к Егору Тимуровичу, то будете задавать. Затем будут выступления. Это беседа, это встреча для того, чтобы нам вместе понять, как мы живем, куда мы идём и что нам надо делать.

Егор Тимурович, пожалуйста.

Е.Т.ГАЙДАР

Дорогие друзья, я хотел бы поделиться своими соображениями по, может быть, одной из самых тяжелых тем в нашей общественной жизни, в общественном развитии, иногда проблеме, кажущейся неразрешимой, — проблеме единства демократов и того, как практически можно к нему подойти.

Не хочу сейчас говорить красиво о том, почему оно нужно, по-моему, многим сейчас это понятно. На мой взгляд, сегодня главный вопрос, который мы должны решить, — это перевод абстрактных разговоров о необходимости такого единства в формулу выработки алгоритма, который позволяет его добиться и отказ от которых как бы совсем морально неприличен.

Несколько слов о том, как на мой взгляд, изменилась ситуация за последние полгода и почему именно сегодня этот вопрос особенно остро стоит.

Полгода тому назад в общем казалось, что при всех серьезных проблемах, очень серьезных проблемах российской жизни, в том числе и серьезных проблемах, связанных с прерван-

ностью реформ, с их незавершенностью, колебаниями и метаниями в экономической политике — все-таки есть серьезные шансы того, что нам удастся без каких-то радикальных и страшных потрясений потихонечку тащить Россию на путь к более или менее нормальной жизни.

Я очень много езжу по стране и было видно летом, что потенциала социального взрыва при всем массовом недовольстве нет. Коммунистические пикеты собирают по 5-10 человек. Есть масса недовольств, но в первую очередь вся энергия все-таки уходит на то, чтобы скорее приспособиться к новым условиям жизни, а не устроить новую революцию. Вот потенциала такого массового протеста не существует.

В экономике мы знали, что там есть подспудные, очень неприятные процессы, но они летом еще не проявились. К Президенту Ельцину есть у многих очень много серьезных претензий. И тем не менее, он все-таки как бы символизировал для многих стабильность, отсутствие революционных перетрясок и преобразований. И в этой связи мы, скажем, считали довольно долго, до последнего, что можно пытаться объединить (условно говоря) умеренные демократические силы в обществе, можно пытаться в этой связи вместе выйти на парламентские выборы и на президентские выборы. Но скорее всего Ельцин будет нашим естественным кандидатом на президентских выборах. Какие бы претензии мы к нему не имели, но он по крайней мере не Зюганов, не Жириновский, он не будет сажать в лагеря, он не будет устраивать кровавую баню, он не будет национализировать собственность и т.д.

И казалось, что эта стратегия дает довольно неплохие шансы на успех. К сожалению, осенью-зимой эти шансы, мне кажется, оказались очень серьезно подорванными развитием событий. Во-первых, осенью проявились последствия серьезных просчетов в экономической политике, проявились они и в всплеске инфляции резком и очень ускорившемся падении курса рубля, и в целом ряде профессиональных вещей, о которых не хочу сейчас говорить, но которые довольно надежно, по крайней мере месяцев на 9, полностью парализуют наши надежды добиться стабилизации экономики и экономического роста. Не буду рассказывать этого.

Мы получили довольно сильный удар по экономическому благосостоянию людей и естественно совершенно довольно серьезный рост потенциала протеста, возможностей использования протеста радикальной оппозиции.

Второе. Конечно, критический абсолютно момент, на мой взгляд, - было начало авантюры в Чечне. Моя позиция по этому поводу, я думаю, всем присутствующим хорошо известна, я не буду ею повторять, но просто с точки зрения наших политических перспектив, надо понять, что это очень сильный удар по устойчивым демократическим позициям. Иногда говорят, что "Выбор России" сейчас ушел в оппозицию, потому что он надеется набрать на этом политические очки. Это всё полная ерунда. Никаких политических очков мы на этом не наберем, потому что так или иначе это все равно делает как бы Президент Ельцин, это всё равно на нем лежит ответственность, мы всё равно как бы все вместе, почти все здесь присутствующие, приложили

руку к тому, чтобы привести его к власти, поддержать. И совершенно неизбежная и невозможная ~~никакая~~ другая позиция с моральной точки зрения, с любой точки зрения для нас была невозможна, но она неизбежно вызывала раскол демократов и власти, совершенно неизбежно в этой связи тенденция морганизации демократии, отторжения власти демократии, опора власти на таких людей как Жириновский, Баркашов, Невзоров, появление Невзорова с его фильмом на телеэкране, интереснейшая смена всей схемы взаимодействия, когда вдруг высказывают, что "Выбор России" - это главная оппозиционная сила, а фракция ЛДПР и "Российский путь" Бабурина и Лукьянова - главная пропрезидентская, проправительственная сила.

На мой взгляд, это очень резко обостряет социальную обстановку в стране, потому что сегодня, скажем, сказать, что Президент - это символ стабильности было бы как-то совсем странно. Каждый человек, посмотрев на телеэкран, понимает, что уж очень далеко расходится это с реальностью. Кстати говоря, кто-то из моих друзей психологов говорил, что происходящее в значительной степени является как бы формой, позволяющей вогнать население в гипнотическое состояние, что резкое противоречие того, что говорится, что говорится, что пытаются навести порядок, обеспечить целостность России и бомб, которые на этом фоне падают на российские города - это то внутреннее, неосознаваемое разумом глубокое противоречие, которое создает обстановку глубочайшего дискомфорта и человек впадает в гипнотический транс.

В этой связи со стабильностью получается очень плохо и со всех точек зрения совершенно очевидно (нравится нам это или нет), что собрать какую-то умеренно демократическую коалицию, которая бы сейчас еще раз поддержала Ельцина на выборах 1996 года, будет крайне мало реалистично. Мне кажется, что невозможно, я бы сказал осторожно, крайне нереалистично, по крайней мере на этом нельзя строить наш прогноз.

Надо понимать, что все это вместе очень здорово работает на те силы, которые являются потенциально опасными, предельно опасными. Что вопрос, который будет решаться, это вопрос не о том, кто чуть лучше будет вести политику для России, какая лучше – левоцентристская, правоцентристская, – здесь куча различных разногласий, и о них можно спорить до бесконечности, а вопрос о том, действительно не скажется ли все, что произошло, короткой демократической передышкой в истории России, за которой вновь последует очередная кровавая бойня, лагеря и т.д. и т.д.

Надо сказать честно, когда я прихожу в Думу и выслушиваешь каждый день, что говорит половина зала, для меня это не кажется чем-то таким экзотическим, я просто хорошо вижу, как это как бы элементарно, легко и с удовольствием может быть сделано.

В этой связи наши потенциальные сторонники, не все, но очень многие на самом деле не хотят такого поворота. Очень многие даже недовольны что происходит и такого поворота не хотят. И общество, как мне кажется, особенно по отношению к войне в Чечне, показало, что оно разумно в большей степени, чем многие полагают, когда надеялись, что на фоне националистической пропаганды возникнет волна антикавказских, античеченских настроений, что удастся мобилизовать поддержку. Но все это оказалось фикцией, не получилось этого. Правда,

большая часть общества пассивна, но против, она не поддерживает.

Очень большая проблема для наших потенциальных сторонников это разлад и раздрай среди тех сил, которые могли бы стать преградой на пути прихода фашистов и наиболее опасной части коммунистов. Сегодняшние коммунисты это не мягкие коммунисты периода горбачевской оттепели, это совсем другие, гораздо более единые, сплоченные и опасные люди. Что бы могло остановить их приход к власти? Для наших потенциальных сторонников, потенциальных единомышленников, поскольку я вижу, я ведь много езжу по регионам, предельно важный момент, момент, который мог бы вселить в них надежду и оптимизм, ощущение непроигранности схватки, это какие-то эффективные действия по обеспечению единства демократических сил.

Кстати говоря, это то, о чем писал Ковалев в письме мне и многим здесь присутствующим. Вот это та задача, которая, мне кажется, сегодня может быть самой главной.

Теперь главная проблема, как перейти от разговора о том, что хорошо быть здоровым и богатым, хорошо бы быть вместе, хорошо бы подружиться, к практическому алгоритму. Я думаю, что такие возможности есть. Я изложу мои соображения по этому поводу на ваш суд и усмотрение.

У нас действительно есть серьезные программные разногласия. Например, я считаю что мы, фракция "Выбор России", мы правоцентристская сила. Сила, отстаивающая правоцентристскую

альтернативу для России. На мой взгляд, фракция "Яблоко" это левоцентристская сила, это сила, которая отстаивает левоцентристскую альтернативу, наиболее близкую либералам или социал-демократам. германским, чем ХДС ХСС или консерваторам английским. И у нас есть о чем поспорить. Мне кажется, что сейчас надо четко понять, что этот спор имеет очень отдаленное отношение к той жесткой альтернативе, которая в ближайшие 2-3 года будет решаться в России. Сейчас будет решаться вопрос о том, будет ли у нас частная собственность, будет ли у нас работающая система рынков, будут ли у нас сохранены демократические институты, будет ли сохранена свобода прессы, будет ли у нас продолжена линия на демилитаризацию общества, экономики, не закроемся ли снова колючей проволокой и железным занавесом и т.д. В принципе по этим поводам у нас нет разногласий. Все, о чем мы должны спорить, это по вопросам как бы завтрашнего дня, если будут решены эти первые фундаментальные предпосылки. Значит идейная программная база для взаимодействия существует. Как закрепить эту программную базу взаимодействия организационными решениями? Мне казалось, что возможна такая схема. Первое. Мы, по-моему, должны принять тот призыв, с которым к нам обратилась Елена Боннэр. Она написала письмо мне, Федорову, Явлинскому. С Федоровым сейчас чуть сложнее в связи с позицией по Чечне, но тем не менее не исключая возможность. Она обратилась к нам с очень простой мыслью:

у вас впереди парламентские выборы 1995 года, президентские - в 1996 году. Снимите сейчас вопрос о том, кто должен быть кандидатом в президенты от демократов. Вы только переругаетесь и перессоритесь из-за этого: каждый будет думать, что он красивее и каждый принесет пять социологических опросов, подтверждающих что это так. Снимите сейчас этот вопрос, создайте коалицию для подготовки к парламентским выборам. Попробуйте отработать механизм взаимодействия, проведите эти парламентские выборы, а потом решите вопрос, кто будет кандидатом в президенты. Мы поддержали эту идею и предлагаем следующие механизмы. Какие это механизмы?

Первое. У нас прошлые парламентские выборы были не бесконечно давно, они прошли год с небольшим тому назад. Сказать, что очень дико что-то поменялось в регионах России за это время по расстановке сил, нельзя. В чем-то поменялось, немножко сместилось, но не катастрофически. Можно рассматривать прошлые парламентские выборы в качестве правильности по мажоритарным округам. Мы уже знаем, кто там прошел, кто не прошел, кто из кандидатов там получил ноль целых ноль десятых процента, где три демократических кандидата боролись друг с другом и прошел Невзоров. И в этой связи мы сейчас на этой базе можем сесть и посмотреть все 225 округов и договориться, что вот здесь ваш кандидат, потому что здесь он был близок

к победе, а здесь он победил, и давайте его поддержим и не будем ему подставлять ножи. А здесь он был близок к победе и если бы не было четырех демократических соперников, которые растащили два процента голосов, он бы победил Невзорова. Это было в Петербурге. И т.д., и т.д.

И на этой базе заключить соглашение о взаимной поддержке кандидатов по мажоритарным округам, опираясь на то, что было совсем недавно в декабре 1993 года.

Второе. Добиться соглашения о правилах пропагандистской работы. Конечно, у нас есть разногласия, мы их не скрываем, но мы будем делать акцент не на взаимную ругань, а на изложение своих программ, на взаимном отпоре тем, кто всерьез по принципиальным вопросам, стоящим перед нами сегодня, является нашими врагами, в первую очередь фашистских, конечно.

И, исходя из этих правил, будем вести пропагандистскую кампанию чтобы на радость соседям-врагам не устраивать неприличнейшие свары среди единомышленников по этим самым фундаментальным вопросам. Создадим коалицию на этой основе и проведем президентские выборы. Заранее можем договориться, что тот демократический список, который получит просто по партийным спискам больше всего голосов, его лидер, человек, который предложен партией, является нашим общим кандидатом в президенты, всех умеренно демократических сил, которого мы потом все вместе попытаемся поддержать.

Потому что в конце концов, честно вам скажу, что мне неизмеримо важнее, чтобы президентом был избран любой человек из набора – Черномырдин, Явлинский, Федоров и т.д., чем это был человек из набора – Жириновский, Зюганов, Стерлигов, Романов и т.д. И в этой связи договоренность о создании некой коалиции по президентским выборам, о составе программных вопросов, о создании альтернативного демократического правительства и т.д.

На мой взгляд, эта схема, может, не единственная, я готов слушать другие аргументы, другие схемы, но это технологичная схема, она не предполагает ничего такого, что было бы невозможно. На мой взгляд, принять ее должна любая разумная политическая сила, которая не отказывается нести свою ответственность за сохранение демократии, за демократические институты в России.

Если эта идея будет поддержана, а я надеюсь, что она будет поддержана, то, мне бы казалось, важным использовать моральный авторитет интеллигенции, деятелей культуры для того, чтобы сделать как бы морально неприличным и невозможным любую другую позицию, позицию конфронтации и раскола. Конечно, легче всего сказать, что все замечательно, но вот есть масса обстоятельств по которым мы никак не можем пойти по этому пути. Мне кажется, что если мы имеем шанс спасти что-то в России, а затем дальше спорить не в лагере и не на том свете, а все-таки в Российском Парламенте, о своих разногласиях, то мы должны понять, что такой либо похожий, либо другой, но технологичной схемы осуществления является к этому жесткой необходимой предпосылкой.

Спасибо.

(аплодисменты)

Потом создав блок партии, как оппозиционной, просчитывали ли вы, что будет с Думой, во-первых, потому что я не политик, я могу ошибаться в данном вопросе. Меня интересуют нравственные позиции. Я считаю, что быть Жириновским в Думе ни один демократ не может. Это невозможное соседство. Вы пишете, что он делает ставку на негодяев, но так как он себя вел в последний раз в Стасбурге, все должны уйти. Просчитывали ли вы эту возможность? Что будет с Думой? Как эта ситуация отразится на будущих парламентских выборах? И сможете ли вы прогнозировать соединения всех демократических партий в блок, который станет в оппозиции к власти?

Е.Т.ГАЙДАР

Каждый день возникает желание туда больше никогда не приходить. Но, вообще, когда мы как бы отрешаемся от собственных эмоций, страстного нежелания входит в этот зал, в силу обстановки ненависти, такой клокочущей, мы конечно понимаем, что это было бы ошибкой.

Во-первых, мы не можем сделать ничего более приятного самому господину Жириновскому и его союзникам. Вот тут уж они порадуются :зволю. Скажут: ну вот, испугались демократы! Сбежали из Думы! И это будут использовать в максимальной степени в своей пропаганде очень, кстати говоря, успешно.

Во-вторых, мы полностью отдаем им как бы это поле для максимальной реализации в политических целях.

В-третьих, надо еще одну вещь видеть. У нас все демократические институты, они не трехсотлетние. Они трехлетние, они предельно нестабильные. И вообще, мне очень не нравится нынешняя Дума, совсем не нравится, неприятно находиться там. Но тем не менее, она какой-то символ существующих демократических структур, извращенных, с фальсификацией выборов, с одурманенным народом, но все-таки, демократических институтов, существующих в стране. Я очень хорошо вижу, как легко сегодня уничтожить демократические институты вовсе в России.

Ведь то, что мы с вами сейчас обсуждали, это как бы хороший сценарий. Сценарий, по которому у нас будут выборы парламентские, будут выборы президентские. Надо понять, на мой взгляд, что это ни то, ни другое, не является данностью. И что очень легко чуть-чуть разбалансировав эти институты, подтолкнуть к тому, что собственно - а к чему нам вообще выборы, созрела ли Россия для демократии? И тем самым проложить дорогу авторитаризму, который будет очень опасным. Все думают, что будет сначала мягким, бархатным, пиночетовским. А на самом деле это будет путь к очередным византийским интригам, дворцовым переворотом, вырезанию оппонентов и так далее.

Поэтому я думаю, что все, что мы сейчас должны делать, что не должны ни в коем случае себе позволить допустить - это любой ценой сохранить свободу прессы, работающий парламент, как бы он нам не нравился, выборы парламентские в срок, выборы президентские в срок. Это важнейший терминал для нас. Все, что может это подорвать, по-моему, опасно.

ГОФМАН

Я представляю "Союз 4 октября", который считает, что 4 октября 1993 года - это день нашей общей победы над силами реакции. Я хотел бы обратить внимание собравшихся, и в частности, это будет и вопрос к Егору Тимуровичу. Вы только что сказали, что потенциально опасные силы существуют. Но эти потенциально опасные силы находятся, между прочим, не только среди людей самоназывающихся фашистами или коммунистами. Например, во фракции "Выбор России" успешно функционирует председатель Комитета по средствам массовой информации Михаил Никифорович Полторанин, который за последний год неоднократно позволял себе заявления вполне в духе Баркашева или того же Невзорова.

Я может быть ошибаюсь, но мне кажется, фракция так и не осудила его деятельность официально.

Е.Т.ГАЙДАР

По Михаилу Никифоровичу было одно его выступление, которое фракция обсуждала и осудила и попросила его разъяснить

его свою позицию. Он ее разъяснял и говорил, что его неправильно поняли, и что он имел в виду совсем другое. После этого была еще одна история с его выступлением, которое было переведено на арабский, потом было переведено на английский, потом в переводе с английского прозвучало на русском языке, которое Михаил Никифорович дезавуировал, как ложное. Он об этом на заседании фракции сказал. Я не видел, я не читаю по-арабски, и поэтому не могу точно сказать, что там было на арабском языке Михаилом Никифоровичем сказано.

У нас во фракции, на самом деле, конечно, фракция это не партия, во фракции есть разные люди, там достаточно широкий спектр. Тем не менее, сейчас, когда возникла вся эта, достаточно опасная ситуация, с Чечней, и у нас были довольно серьезные разногласия. И вот тут, кстати, целый ряд наших сторонников заняли, на мой взгляд, проимперские позиции и позиции объективно националистические. Михаил Никифорович вел себя сдержанно и придерживался общей фракционной дисциплины, хотя и, наверное, про себя думал. Поэтому у нас действительно демократическая фракция, там много людей с серьезными нюансировками. Пока с какими-то фашистскими выступлениями Михаил Никифорович никогда ни на заседании фракции, не на русском языке не выступал.

ГОФМАН

У меня вопрос, от которого зависит тема нашей дискуссии.

Елена Георгиевна Бонэр обратилась с письмом. Как реагировали на это за рубежом. Я готов представить это.

БАРКОВ

Елена Георгиевна обратилась с письмом. Хотелось бы знать, как реагировали другие лица, которым было адресовано это письмо?

Е. Т. ГАЙДАР

Они пока воздержались от реакции на это обращение.

ЛАЗАРЕВ

Были ли попытки обсудить вашу платформу с лидерами других демократических партий. В какой степени они готовы, в какой степени это возможно? Потому что, если некоторые лидеры на это не пойдут, значит надо выработать иную тактику и стратегию.

Е. Т. ГАЙДАР

Попытки такие были. Пока ситуация такая: "да" и "нет" не говорите, "черное" и "белое" не называйте. То есть никто не говорит "нет". Самое интересное, что среди демократов нет ни одного человека, который говорит "нет". Никто не говорит, что нет, мы объединяться не так, а вот так. Мы говорим, что если не так, то скажите как и будем дальше обсуждать. Никто не говорит, что не так, а вот так. Но никто не говорит, что да. Вот ситуация на сегодняшний день.